

Антропоцентрическая типология языков: Вчера, сегодня, завтра

Трофимова Елена Борисовна

АГГПУ им. В.М. Шукшина

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков

Трофимова Ульяна Михайловна

АГГПУ им. В.М. Шукшина

кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник управления научно-исследовательской деятельности

Аннотация

В статье представлен один из подходов к понятию антропоцентрическая типология языков, разрабатываемый научным коллективом под руководством профессора Е.Б. Трофимовой. Данный подход опирается на 20-летний опыт экспериментальных исследований в области фонетики, лексики и фразеологии разноструктурных языков. Экспериментальные материалы описываются в терминах стратегий и тактик реагирования, психолингвистических категорий, таких как межъязыковой и внутриязыковой иконизм, межъязыковая образность; вводится понятие *экспериментальный тип* носителя языка.

Ключевые слова: типология, антропоцентризм, психолингвистический эксперимент, когнитивные стратегии, эволюция

Anthropocentric Typology of Languages: Yesterday, Today, Tomorrow

Trofimova Elena Borisovna

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University

Grand PhD in Philology, Professor, Department for the Foreign languages of

Trofimova Uliana Mikhailovna

Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University

PhD in Philology, Associate Professor, Research Professor; Management of research activities of

Abstract

The article presents one of the approaches to the concept of the anthropocentric typology of languages, developed by a research team under the guidance of Professor E. B. Trofimova. This approach is based on twenty-year' experience of experimental research in the field of phonetics, vocabulary and phraseology of multi-structural languages. Experimental materials are described in terms of strategies and tactics of reaction, psycholinguistic categories, such as interlanguage

and intralingual iconism, cross-languages figurativeness. The concept of an experimental type of a native speaker is introduced.

Keywords: typology, anthropocentrism, psycholinguistic experiment, cognitive strategies, evolution

Цель данной статьи – с опорой на собственный опыт экспериментальных исследований, описать некоторые аспекты, характеризующие антропоцентрическую типологию языков как специфическое направление в современной лингвистике.

Понятие *антропоцентризма* в лингвистических исследованиях узаконивается с конца 80-х годов. В 1989 году появляется статья Е.В. Рахилиной, в которой она, противопоставляя антропоцентрический и системоцентрический подходы, классифицирует язык как антропоцентрический феномен: это творческий инструмент, созданный человеком для отражения антропоцентричного мира [1, с.50]. Уже в 90-е годы, с легкой руки и в силу авторитета Е.С. Кубряковой, антропоцентризм, наряду с экспансионизмом, экспланатарностью и функционализмом, признается доминирующей чертой современной лингвистической парадигмы, а позднее - и единственной идеологией: «... отрыв от современной научной идеологии является и для отдельного ученого, и для целого направления скорее потерей, чем приобретением» [2, с.75].

Однако если говорить о таком лингвистическом направлении, как типология языков, то в целом оно сохраняет системоцентрические установки, в результате термин *антропоцентрическая типология языков* не является узуализованным в научном пространстве и требует конкретизации.

Наш подход базируется на представлении о сложном устройстве языка, включающего системоцентрическую и антропоцентрическую составляющие, динамическое взаимодействие которых обеспечивает и обуславливает языковую эволюцию. Эта идея была представлена в докторской диссертации «Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование» [3], где на достаточно узком, а именно фонетическом, материале апробировался анализ языка в аспекте двух составляющих. К этому времени в лингвистике бытовали два прямо противоположных подхода: 1) «результаты, полученные при помощи психолингвистических методик... не противоречат тем данным, которые получают другими методами» [4, с.217] и 2) «оба описания (системоцентрическое и антропоцентрическое – Е.Т., У.Т.) обычно понимаются как изучение одного и того же феномена. Однако результаты получаются несколько разными, несмотря даже на то, что эти описания часто не перекрещиваются друг с другом» [5, с.17]. Поддерживая позицию В.М. Алпатова, мы исходили из того, что антропоцентрическое исследование имеет дело с другими единицами, чем системоцентрическое, соответственно, эти единицы необходимо рассматривать отдельно, используя для анализа различные методы. Например, А.А. Залевская предложила термины для антропоцентрических синонимов и антонимов (единиц сознания) - симиляры и оппозицы [6, с.33].

Необходимо учитывать также то, что процессы порождения и восприятия единиц родного языка автоматизированы и включены в «конгломерат» когнитивной деятельности, что снижает возможности рефлексии над языком. В эксперименте психолингвисту приходится иметь дело со множеством неизвестных, выделить и измерить которые часто является неподъемной задачей.

Некоторые перспективы в решении проблем антропоцентрического холизма мы видим в создании антропоцентрической типологии языков. Сопоставление типологически контрастных языков (например, европейских и восточных) позволяет разграничить системную и антропную языковые реальности.

Исходя из указанных выше проблем, в качестве основных принципов антропоцентрической типологии языков были определены следующие: а) сопоставляются экспериментальные реакции носителей типологически контрастных языков (языков с разными системными параметрами, принадлежащих к разным типам), б) неизбежная субъективность эксперимента не отвергается, а становится, в свою очередь, объектом направленной рефлексии исследователя, например в таком понятии, как *этнический экспериментальный тип*; в) описание материала осуществляется в специфических терминах, отражающих когнитивные феномены, например *межъязыковая образность*; г) результаты эксперимента – репрезентанты речемыслительной деятельности носителей языка, которые должны описываться в терминах *стратегий* и *тактик*.

В соответствии со второй частью названия статьи - «вчера, сегодня, завтра» - дальнейшее описание будет построено следующим образом: вначале будут представлены основные направления деятельности нашей группы и - на одном из примеров – решение проблем антропоцентрической типологии, затем описаны некоторые понятия антропоцентрической типологии, в частности *экспериментальный тип личности*, в заключение мы остановимся на том, какие аспекты антропоцентрической типологии языков представляются наиболее продуктивными.

Начиная с 2002 года мы работали по нескольким генеральным направлениям: первое из них было посвящено феномену языкового иконизма, второе - проблемам ударения в типологическом и эволюционном аспектах, третье - когнитивным и языковым стратегиям переработки языковых сигналов разного типа: слов и идиом. Несмотря на различия этих тем, их объединяет несколько моментов. Во-первых, мы работаем с материалом различных языков, прежде и больше всего, с восточными - китайским, корейским, японским, а последние несколько лет – монгольским (при этом первоначально многие методики были апробированы на материале английского языка). Во-вторых, во всех случаях это экспериментальные работы, в которых исследуются феномены, требующие сложных психолингвистических методик, которые формировались в течение длительного времени, апробировались и корректировались. И еще - в основе всех проектов лежала какая-то нетривиальная идея, которую можно даже

назвать «завиральной». Рассмотрим на примере иконизма логику преодоления сложностей экспериментального исследования и этапы формирования методики изучения феноменов.

*Методология исследований восприятия и вербализации
объектов различной природы*

Изначальной целью первого проекта было через исследование иконизма приблизиться к пониманию происхождения языка. Идея наивная, но не по логике, а по возможности воплощения. Мы рассуждали следующим образом: первобытный человек, не обладая абстрактным мышлением, не мог опираться на объединение таких разных явлений, как некий образ, который нечто обозначает, и звуковой поток, не соотносимый с данным образом. Отсюда вывод: наименование должно соответствовать образу. Возникает вопрос: сохранилась ли способность к вербализации у современного человека. Было решено провести экспериментальное исследование фонологизации (вербализации) шумов в русском и английском языках. Цель (заметим более скромная) – экспериментальным путём выявить механизмы организации речевого материала при наименовании объектов действительности, не получивших языковой кодификации: например, *шуршание фольги, падение тяжёлого предмета на пол и в воду*. Всего было отобрано двадцать пять шумов, записанных на диктофон. В качестве информантов привлекались носители русского и английского языков с филологических факультетов в России и Америке. Респондентам предлагалось, пятикратно прослушав запись того или другого шума, передать услышанное в транскрипции на своём языке.

В итоге был выявлен *принцип звуковой вербализации* шумов: шумы подтягивались к звукам в языковой системе родного языка; установлен *принцип межъязыкового изоморфизма* на уровне восприятия носителей языков; определена степень вариативности, наблюдаемая в экспериментах. По данному материалу была написана и успешно защищена диссертация М.Э. Сергеевой [7].

В том же ключе было проведено диссертационное исследование Е. Ю. Филипповой «Окказиональная вербализация зрительных сигналов носителями русского языка» [8]. Однако в качестве стимулов использовались некодифицированные цветовые оттенки и геометрические фигуры. В данном случае связь между стимулом и реакцией была более дальней - незвуковые объекты переводились в звуковые. Было много сложностей, которые приходилось преодолевать, варьируя экспериментальную методику. Изначально были взяты традиционные формы и цвета, но информанты в псевдословах опирались на кодифицированное слово - переставляли, заменяли звуки. В результате были подобраны такие формы и цвета, которые не имеют кодифицированного наименования. Для верификации полученных реакций проводился обратный эксперимент, в ходе которого информанты должны были соотнести псевдослово с теми или иными характеристиками, в данном случае - с темным или светлым цветом. В качестве материала использовалось по пятьдесят слов из общего количества псевдослов,

полученных от русских носителей на самый светлый оттенок и столько же – на самый тёмный. В результате выяснилось, что тёмный оттенок опознаётся гораздо лучше. Можно предположить, что тёмный цвет более маркирован в метаязыковом сознании носителей в силу его негативных коннотаций. В этой работе впервые был затронут материал неевропейских языков для такого типа исследований - проведены пилотажные эксперименты на носителях алтайского языка. Данные обоих исследований были обобщены в коллективной монографии «Окказиональная вербализация звуковых и зрительных сигналов русскоязычными носителями» [9].

Еще большее расстояние между сигналом и денотатом заключалось в исследовании вербализации эмотивных составляющих. Как можно видеть, в каждом из последующих проектов объект, на котором исследовались явления иконизма, усложнялся - в первом случае это были звуковые сигналы, во втором - зрительные, однако конкретные, касающиеся базовых компонентов восприятия - формы и цвета, в третьем случае - эмоции, с опорой на их мимических представителей. Для исследования были взяты базовые эмоции - *радость, грусть, отвращение, удивление, гнев, страх*. В качестве стимулов в эксперименте использовались фотографии людей с выраженной мимической реакцией и музыкальные отрывки, в которых наблюдались разнонаправленные эмоции. Перед испытуемыми, по сути, стояло две задачи - опознать эмоцию и вербализовать (придумать номинацию). Поэтому экспериментальный материал имел трехмерный характер - *зрительный образ - эмоция - псевдослово*, что предполагало комплексный анализ. Далеко не всегда информанты верно могли определить эмоцию, часто возникали проблемы с созданием псевдослова, использовались различные стратегии перестановки, замены звуков в кодифицированном наименовании эмоции. Проведённое исследование также завершилось коллективной монографией [10].

В 2014 году иконическое направление деятельности лаборатории нашло отражение в создающемся под руководством профессора Светланы Сергеевны Шляховой Международном информационно-исследовательском интерактивном портале «Форум лингвистической мотивированности».

Экспериментальный тип языковой личности как координата антропоцентрической типологии языков

Экспериментальные исследования разноструктурных языков позволили сформировать несколько оригинальных понятий, значимых для антропоцентрической типологии. В методологии исследований языкового сознания носителей различных языков остро стоит вопрос о зависимости данных от экспериментального поведения испытуемых. Существуют ли какие-либо закономерности, зависящие от этнокультуры информанта и способные повлиять на экспериментальные результаты?

Экспериментальный тип личности является одним из аспектов языковой личности. Как известно понятие *языковая личность* было впервые использовано немецким лингвистом Л. Вайсгербером (1927 год) и В.В.

Виноградовым (1930 год). Однако толкование термину было дано в 80-е годы российскими лингвистами. Так, Г.И. Богин определял языковую личность как в аспекте ее готовности «производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» (1980). С этих позиций были выделены различные уровни (этапы) становления языковой личности. Ю.Н. Караулов рассматривал языковую личность несколько иначе: это «... совокупность способностей к созданию и восприятию текстов...» (1987). В.И. Карасик расширяет представление о компонентах языковой личности, выделяя (2003): 1) языковую способность, 2) коммуникативную потребность; 3) коммуникативную компетенцию; 4) языковое сознание; 5) речевое поведение. Очевидно, что это значимые компоненты, однако остается открытым вопрос о классификации языковых личностей по этим параметрам. К.Ф. Седов отмечает: «Одной из наиболее насущных задач является создание типологии языковых личностей, способной отражать индивидуальные особенности речевого поведения носителей языка» [10, с.3].

В рамках антропоцентрической типологии языков возникают два вопроса: 1. Является ли экспериментальная деятельность индивида особым, специфическим видом деятельности? 2. Есть ли этнические основания различий языковых личностей?

Отвечая на первый вопрос нельзя не вспомнить типологию экспериментальных личностей Р.М. Фрумкиной [11], в рамках которой по разным критериям выделяются типы по различным критериям: порог различения: «дилетанты» и «педанты»; способ интерпретации смысла слова: «метафористы» и «буквалисты»; отношение к задачам эксперимента: «усердие» и «минимализм»; тип рефлексии: «рационалисты» и «оригиналы». Каждая личность представляет собой комбинацию качеств: «дилетант» + «усердный», «буквалист+оригинал» и т.д. Эта классификация наглядно показывает, что существуют личностные характеристики, предопределяющие поведение информанта и влияющие на результаты эксперимента. Можно предположить, что представители определенной этнической ментальности тяготеют к тому или иному типу. Например, опыт экспериментальной работы с носителями китайского языка позволяет акцентировать такие характеристики, как усердие, педантичность, рациональность.

Ответ на второй вопрос имеет давнюю историю, если вспомнить гипотезу лингвистической относительности, выдвинутую рядом известных лингвистов: В. фон Гумбольдтом, Лео Вайсгербером, Эдвардом Сепиром, Бенджамином Уорфом и их последователями, согласно которой мышление и восприятие человека навязывается его родным языком. В современной науке эта позиция наиболее рельефно с опорой на экспериментальные исследования, представлена Лерой Бородицки [12]. Однако эти исследования находятся вне типологии языковых личностей. Близкой к нашему исследованию являются работы И.Е. Бобрышевой [13], описывающей специфические характеристики учебного типа китайской языковой личности, что проявляется в особенностях восприятия и запоминания информации.

Таким образом, экспериментальная ситуация может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, *это коммуникативное явление* (взаимодействие экспериментатора и информанта в ситуации эксперимента), во-вторых, *когнитивное* - информант решает определенную задачу - воспринимает текст инструкции и порождает реакции. О специфике коммуникативного поведения представителей различных национальностей говорилось немало (например, [15]). Вопрос об этнической специфике решения когнитивных задач остается открытым.

Опыт экспериментальной деятельности с носителями монгольского языка позволяет описать целый ряд сложностей, которые представим здесь тезисно.

1. Экспериментальная деятельность является специфическим видом деятельности, которая требует определенных навыков. Становление навыков проходит три этапа (ср. уровни языковой личности Г.И. Богина): 1 этап: непонимание сути экспериментальной ситуации. Реагирование наугад. Различные способы уклонения от задачи. Особенно это чувствуется в заданиях закрытого типа: расставить ударение или выбрать правильный ответ. В этом случае мы получаем отрицательный экспериментальный материал. 2 этап: подготовленность к решению задачи - информанты выполняют установки, данные преподавателями.

Оба этапа проявились при изучении специфики монгольского ударения. Первый эксперимент (1 этап) показал невладение самим понятием ударения (ударения ставились наугад, а дополнительные эксперименты показали, что носители монгольского языка дают высокий разброс в толкованиях ударения как лингвистического явления). Однако в следующем эксперименте те же студенты Ховдского университета показали полное владение понятием и знание, что ударение падает на первый слог, как это отмечают учебники. В этом случае материал является низкодостоверным. Примечательны присутствующие в реакциях отхождения от принципа выделения первого слога.

На третьем этапе информанты понимают суть эксперимента и реагируют соответственно ситуации. На этом этапе исследователь проводит обучающий тренинг по решению экспериментальной задачи и добивается понимания инструкции. Таким образом, при планировании эксперимента важным моментом является учет уровня экспериментального поведения испытуемых.

2. Русский и монгольский языки обладают принципиальными отличиями в синтаксическом структурировании, что влияет на проблемы восприятия смысла текста. Этот момент особенно проявился при буквальном переводе русских фразеологических оборотов на монгольский язык. Неточность экспертного перевода приводит к искажению инструкции.

3. Высокая эмпатичность информантов. Информанты пытаются «угадать», что от них хочет экспериментатор. В результате они легко «меняют показания». Например, в эксперименте, проведенном *body color task*, где требовалось очертить границы тела и заштриховать их, при

уточняющих вопросах картинка менялась. Принципиально различается поведение китайских информантов и монгольских. Китайские реципиенты не дают ответа, пока не поймут сути эксперимента, даже в том случае, если им приходится задать множество вопросов. В ситуации понимания задачи выполняют задание достаточно быстро и максимально подробно. Пытаются точно отразить свое языковое сознание. Как правило, дают развернутые толкования единиц, в основном это дефиниции. Монгольские реципиенты редко задают дополнительные вопросы, выполняют задание быстро, однако преимущественно небрежно. Часто уклоняются от ответа. При уточняющих вопросах быстро соглашаются с любым предложенным вариантом.

Естественно, речь не идет о тотальных различиях, а только о большем предпочтении того или иного варианта поведения. Поведение русских информантов менее унифицировано и зависит от типа и уровня языковой личности. Можно предположить наличие высокой степени эмпатии в ситуации личностного контакта и низкой в ситуации делового контакта. Таким образом, анализ показывает, что имеются этнически обусловленные характеристики, влияющие на экспериментальное поведение реципиентов.

Универсальные когнитивные структуры

В антропоцентрической типологии языков наряду с центробежными тенденциями наблюдаются центростремительные, которые находят отражение в универсальных когнитивных структурах. Эти структуры объясняют феномен опознавания иноязычных единиц, несмотря на несовпадение их формальных характеристик. Наиболее ярко это явление проявилось на материале иноязычной фразеологии. В 2004 году Е.С. Грянкина, под руководством Е.Б. Трофимовой, провела экспериментальное исследование процессов восприятия русскими монолингвами английских образных выражений, данных в пословном переводе [16]. Анализ результатов позволил установить, что русские испытуемые при опознавании английского фразеологизма интуитивно опираются на некоторое отвлеченное представление. Этот образ формируется в пределах определенного структурно-семантического соответствия идиоме родного языка. Например, частотно опознавалось выражение англ. *plough the sand* (букв. 'пахать песок'), легко интерпретируемого как *носить воду решетом*, в силу совпадения основной идеи «непродуктивного действия». Иначе говоря, образы, совпадающие по структуре и общей выражаемой идее, воспринимаются как сходные даже в условиях несовпадения наглядных представлений и отдельных лексических компонентов. Для описания этого феномена Е.Б. Трофимовой был предложен термин *межъязыковая образность*, под которым понималась образная структура, возникающая у иноязычного носителя, не владеющего данным языком, при предъявлении языковых единиц сложной структуры [17, с. 302]. Это единица более высокого уровня абстракции, чем фразеологический образ, позволяющая установить ассоциативную связь между различными образами на основе инвариантной

образной структуры. Сравним, например, фразеологизмы: кит. 小题大做 букв. 'раздувать из мелочи целую историю' – русск. *делать из мухи слона*; кит. 非驴非马 букв. 'ни осел ни лошадь' – монг. *өөх ч биш, булчирхай ч биш* букв. 'ни жир ни железа' – русск. *ни рыба ни мясо*; кит. 对牛弹琴 букв. 'играть на лютне перед быком' – русск. *метать бисер перед свиньями* и т.д. Во всех случаях наблюдается не только структурное соответствие, тематическая соотнесённость лексических компонентов, но и совпадение некоторой общей идеи, в этой структуре закреплённой.

Универсалии в рамках антропоцентрического подхода имеют динамический, деятельностный характер и базируются на особенностях восприятия носителей языка.

Этническая специфика находит отражение не только в понятии этнический экспериментальный тип, но и в распределении языковых и когнитивных стратегий и тактик реагирования на предъявленные стимулы. Так, при опознавании иноязычного фразеологизма реализуется ряд стратегий, актуализирующих синтетический или аналитический механизм переработки образных выражений. Например, опора на синтаксическую структуру и межъязыковую образность связана с целостной переработкой, а опора на ключевые слова - с расчленённой переработкой; при этом подбор аналога в родном языке и выявление значения актуализирует противоположные стратегии. В реальной экспериментальной деятельности играют также роль этнические аксиологические константы или прототипическое представление об идиоме как назидательном выражении [18].

Подводя некоторый итог очень беглому обзору исследований в области экспериментальных исследований разноструктурных языков, отметим в качестве достижений описание проблемного поля антропоцентрической типологии и выявление и описание ее базовых категорий, как центробежных, так и центростремительных. В чем перспективы этого направления?

Будущее антропоцентрических исследований, на наш взгляд, связано с Big Data. Именно Большие Данные позволят анализировать холистические феномены с варьирующимся набором неизвестных. Наш скромный вклад в это будущее заключается в создании контуров корпусной психолингвистики. В ходе многолетних экспериментов создан солидный корпус данных, например, корпус семантизаций соматизмов китайского, монгольского и русского языков. В настоящее время отсутствует аннотированная база психолингвистических данных. Вместе с тем аннотация по сущностным параметрам позволит качественно сопоставлять большие объёмы разноязычных данных и получать статистически подтвержденные результаты. Так, для семантизации противопоставление когнитивных и метакогнитивных процессов является сущностным и определяет функциональную целостность семантизации как отражения психического значения слова. Соответственно, наряду с общими для разного вида корпусов аннотациями (ключевое слово, метатекстовые параметры, таксономия),

предлагаются специфические (бинарная структура психолингвистических данных - стимул-реакция, зависимость от типа эксперимента, когнитивно-дескриптивный характер реакции).

Другим способом верификации антропоцентрических гипотез является расширение технического инструментария и междисциплинарный вектор работ. Наиболее распространенными инструментами в современной когнитивной науке являются поведенческие, айтрекинг, ЭЭГ и МРТ. В рамках наших исследований было использовано при изучении иконизма *Lexical Decision Task* (задание на лексическое решение), *eye-tracker* для изучения стратегий целостной или дискретной переработки иноязычной идиомы, исследование синтаксической неоднозначности осуществлялось с использованием ЭЭГ. Однако принципы использования современных технологий для решения проблем антропоцентрической типологии требуют еще детального обсуждения.

Библиографический список

1. Рахилина Е.В. О концептуальном анализе в лексикографии А. Вежбицкой // Язык и когнитивная деятельность. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1989. с. 46-51.
2. Попова Е.А. Человек как основополагающая величина современного языкознания // Филологические науки. 2002. № 3. С. 69-77.
3. Трофимова Е.Б. Стратификация языка: теоретико-экспериментальное исследование. М.-Биробиджан, 1996. 223 с.
4. Супрун А.Е., Клименко А.П. Исследование лексики и семантики // Основы теории речевой деятельности. М., 1974. С. 188-220.
5. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходе к языку // ВЯ. 1993. № 5. С. 15-26.
6. Залевская А.А. Психолингвистические проблемы семантики слова: учебное пособие. Калинин, 1982. 80 с.
7. Сергеева М.Э. Экспериментально-теоретическое исследование фонологизации шумов в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 210 с.
8. Филиппова Е.Ю. Окказиональная вербализация зрительных сигналов носителями русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 188 с.
9. Трофимова Е. Б., Сергеева М.Э., Филиппова Е.Ю. Окказиональная вербализация звуковых и зрительных сигналов разноязычными носителями: монография. М.: КРАСАНД, 2009. 168 с.
10. Трофимова Е. Б., Трофимова У.М., Сергеева М.Э., Власов М.С., Филиппова Е.Ю., Одончимэг Т. Узуальное и окказиональное семиотическое пространство эмоций: монография. Улан-Батор – Бийск: Соёмбо принтинг, 2011. 292 с.
11. Седов К.Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления // Вопросы стилистики: межвузовский сборник научных трудов. Саратов,

1999. вып. 28. С. 3-29.
12. Фрумкина Р.М. Психолингвистика. М.: Академия, 2001. 321 с.
  13. Boroditsky L. How language shapes thought. *Scientific American*, February, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://psych.stanford.edu/~lera/papers/sciam-2011.pdf> (дата обращения: 3.11.2015).
  14. Бобрышева И.Е. Роль этнических образовательных традиций в межкультурном обучении // *Языковое сознание и образ мира. XII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*. М., 1997. С. 26-27.
  15. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. Самара, 1994. 94 с.
  16. Грянкина Е.С. Семантика фразеологизмов в сознании носителей русского языка: на материале русских и английских фразеологизмов в буквальном переводе: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2004. 216 с.
  17. Трофимова Е.Б. Образность в межъязыковом пространстве // *Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности: тезисы докладов XV Международного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации*. Калуга: «Эйдос», 2006. С. 302.
  18. Трофимова У.М., Трофимова Е.Б. К вопросу о факторах и механизмах переработки инокультурных образных выражений // *Восьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов*. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г. / Отв. ред. А.К. Крылов, В.Д. Соловьев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 987-990.